

ГАЛИНА ЛУМПАНОВА

Год из жизни декабриста

Матвей Иванович Муравьев-Апостол, офицер, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных военных походов 1813-1814 гг., видный деятель декабристского движения, был осуждён Верховным уголовным судом на смертную казнь, заменённую по конфирмации приговора 20-летней каторгой. Его брат Сергей был казнён 13 июля 1826 года. После вынесения приговора Матвей Иванович находился один год в крепости – форте «Слава» близ Роченсальма. По особой милости Николая I каторга была ему заменена поселением в Сибири. Он пробыл в Сибири 29 лет. Первые полтора года жил в глухом месте – Вилуйске (в юрте!), затем – в Бухтарминской крепости (ныне не существует), недалеко от Усть-Каменогорска и Ялуторовске.

С апреля 1857 года, после амнистии, вместе с женой Марией Константиновной и воспитанницами Августой Созонович и Анной Бородинской поселился в Твери, на улице Симеоновской. Интересный и общительный человек, он привлёк к себе внимание тверского дворянства. Его первыми приятелями стали А.П. Полторацкий, председатель казённой палаты, П.А. Оленин и Н.Н. Толстой (бывшие сослуживцы по Семёновскому полку), отец Платон, архимандрит Жёлтикова монастыря, и его сын, чиновник губернского правления Г.П. Казанский, «петрашевец» Ф.Толль, а несколько позже – тверские реформаторы А.М. Унковский, А.И. Европеус и А.А. Головачёв. Навестить Муравьева-Апостола в Тверь приезжали двенадцать декабристов, а также дети, жёны и вдовы некоторых из них.

Труден был первый год жизни на новом месте. Нелегко было и в 1859 году – он долго болел. Зато в 1860 году много разъезжал. Год начался с поездки в Ярославль к сыну друга И.Д. Якушкина, Евгению, занимавшему должность управляющего палатой государственных имуществ. Весной и летом он ездил в Подмосковье на дачу племянника Михаила Бибикова, в Москву – для лечения минеральными водами, а также в Тамбовскую губернию, где у него находилось «благоприобретённое» имение.

1860 год в Твери был полон важных, порой нерадостных, событий. Зимой губернский предводитель дворянства, автор прогрессивного проекта освобождения крестьян от крепостной зависимости, А.М. Унковский был отрешён от должности, а 24 февраля «без следствия и суда» сослан в Вятку. Его единомышленник, «петрашевец» А.И. Европеус был сослан в Пермь. За Муравьевым-Апостолом велась слежка, он знал, что отсылаемые им и присылаемые ему в Тверь письма прочитывались на почте. Через племянника Михаила, проживавшего в Москве, он получил от М.Н. Муравьева, министра государственных имуществ, совет быть осторожнее. Душевное состояние Муравьева-Апостола тяжёлое, ему хочется покинуть Тверь.

14 марта он получил первое известие об Унковском: тот благополучно добрался до Вятки и был дружелюбно принят. А 29 марта губернатор Баранов отправился в Петербург хлопотать за Унковского. Возникает слабая надежда на скорое возвращение Алексея Михайловича.

Весной Муравьёва-Апостола несколько раз навещил М.Е. Салтыков, с которым он познакомился ещё летом 1859 года в доме Унковского. Салтыков был ему известен как автор «Губернских очерков». Но у того были написаны и опубликованы несколько других произведений (в том числе две повести «Противоречия» и «Запутанное дело», за которые он пробыл в ссылке в Вятке семь лет).

Около двух лет Салтыков «вицегубернаторствовал» в Рязани. У него не сложились отношения с первым лицом губернии, и он стал просить перевод в другой город. В начале марта, получив отпуск, Салтыков отправился в Петербург, а в середине марта возвращался в Рязань для сдачи служебных дел: новое место службы ему было обещано. В середине апреля Салтыков вновь поехал в Петербург. Уже с женой. В этих поездках по железной дороге от Москвы до Петербурга и обратно Салтыков не менее двух раз, а то и все три раза останавливался в Твери и навещал Матвея Ивановича. Повод для встреч был очень весомый – Михаилу Евграфовичу хотелось узнать новости об Унковском, с которым он сблизился ещё в Петербурге в 1857 году.

3 апреля 1860 года «высочайшим приказом» Салтыков был назначен тверским вице-губернатором, а его предшественник Иванов отправился на такую же должность в Рязань. Поменялись местами... Михаил Евграфович задержался с переездом в Тверь: он выполнял «особое поручение» министра внутренних дел. Его включили в Комиссию о губернских и уездных учреждениях, задачей которой была выработка проектов законоположения о мировых посредниках и реформы о земстве. Несколько дней в середине мая он провёл в Твери, подбирая квартиру для предстоящей жизни на новом месте и решая некоторые бытовые дела. Возможно, Муравьёв-Апостол и Салтыков встретились. Во всяком случае, о его приезде декабрист знал.

24 июня Салтыков с женой приехал в Тверь и со следующего дня приступил к исполнению обязанностей. Работал много. Встретиться с Матвеем Ивановичем не спешил. Только через четыре месяца по настоянию возвратившихся из ссылки Унковского и Европеуса он сделал визит к Муравьёву-Апостолу. Подобное промедление объяснить трудно. Занятость? Осторожность? Потеря интереса к декабристу? Но Муравьёв-Апостол с пониманием отнёсся к этой ситуации: «<...> не надо быть близким отношениям», – писал он Михаилу Бибикову.

Немного раньше, чем Салтыков, между 17 мая и 17 июня, в Тверь на жительство приехали супруги Глинки: участник Отечественной войны 1812 года, поэт и декабрист, Фёдор Николаевич и Авдотья Павловна, писательница и переводчица. Задолго до своего переезда Глинка купил земельный участок на улице Козьмодиановской и возвёл на нём двухэтажный дом. С Глинкой Матвей Иванович был знаком по петербургскому периоду жизни. Две семьи сразу сблизились. Уже в первые

дни жизни на новом месте Глинки навещали жену и воспитанниц Матвея Ивановича, находившегося в то время в отъезде. В последующие годы Авдотья Павловна опекала Августу и Аннушку, вывозила их на балы в Дворянское собрание. Два декабриста вместе читали сочинения М. Лунина «Разбор донесения Следственной комиссии», делились воспоминаниями, обсуждали международные события. Муравьеву-Апостолу Глинка посвятил несколько строчек в двух поэтических произведениях. До самого отъезда из Твери Матвей Иванович сохранит с ним дружеские отношения.

До переезда в Тверь Салтыкова и Глинки в городе открылась публичная библиотека. Ещё в 1830 годы министр просвещения Д.Н. Блудов поднял вопрос о создании в губернских городах публичных библиотек. Но его идея плохо претворялась в жизнь по тривиальной причине: не было денег. Наконец, деньги появились: купцы Головинский и Образцов пожертвовали первый – 3000, второй – 1000 рублей, и несколько дворян – около 500 рублей. На эти деньги было арендовано помещение, приобретена мебель, назначено жалование библиотекарю и куплены книги. Ко дню открытия библиотеки насчитывалось 1538 наименований книг в 3193 томах. 9 мая состоялось торжественное открытие библиотеки. В этот день Муравьева-Апостола в Твери не было. Он вернулся 14 мая, и примерно, 17 мая посетил библиотеку. Он пишет племяннику Бибикову: «Помещение тесноватое, но уютное. Много посетителей, особенно из гимназистов». Он тоже стал её читателем. Через год он напишет племяннику, что читальный зал переполнен, «спёртый воздух, как в вагоне 3 класса» выгнал его на улицу, и он «бежал из библиотеки, что называется, без оглядки».

При библиотеке был создан под председательством губернатора «попечительный комитет», и 5 июля Салтыков был назначен его членом.

Матвей Иванович интересуется, как работает Салтыков. Узнать об этом он мог у руководителей губернских палат А.П. Полторацкого и В.Г. Коробьина, с которыми постоянно общался.

10 июля он пишет Бибикову: «Вчера много узнал хорошего про Салтыкова. Симановский перепорол до 20 душ у Зиновьева. Салтыков восстал». Через полгода он напишет своему товарищу П.Н. Свистуну: «У нас есть официальный высший жандарм <...>. Летом ему поручалось провести расследование относительно крестьян Зиновьева <...>, которые не думали поднимать мятеж, но только просили заменить бурмистра, который их обворовывал. С усердием этот жандарм, чтобы угодить вышестоящему лицу, начинает выдирать бороду (у крестьян – Г.Л.). Эта борода, как инструмент убеждения, была представлена несчастными крестьянами (чиновникам, проводившим расследование – Г.Л.). В завершение всего Зиновьев теряет своё место».

В деле зиновьевских крестьян Салтыков занял присущую ему позицию защиты мужика и восстановления законности. Просмотрев следственное дело, он обнаружил, что жалобы крестьян остались нерассмотренными и что они наказаны без решения суда и постановления губернского правления. Салтыков убедил губернатора в необходимости проведения дополнительного

следствия. И оно был проведено, и жалобы крестьян признаны обоснованными. Более того, были выявлены незаконные методы проведения расследования жандармским полковником и факты коррупции и взяточничества, на которые шли немалые денежные суммы из конторы имения Зиновьева.

Салтыкову удалось помочь крестьянам, но другие выявленные нарушения законности не были нигде предметом рассмотрения, и не по вине Салтыкова. Они были похоронены высшей бюрократией.

Информация о событиях в имении Зиновьева тайным путём была доставлена за границу Герцену, опубликована в трёх номерах «Колокола» и стал известна и правительственным кругам, и либерально либо демократически настроенной общественности. В глазах декабриста авторитет тверского вице-губернатора неизмеримо повысился.

В августе Муравьёв-Апостол ездил в Тамбовскую губернию и в своём имении заменил барщину оброком. А в Твери в это время находился император с братьями, великими князьями Константином Николаевичем и Михаилом Николаевичем. К их приезду из Петербурга был прислан «высочайший приказ» о производстве Салтыкова «за отличие» в статские советники. Михаил Евграфович был представлен великим гостям.

Осенью у Муравьёва-Апостола возобновилась болезнь ног, и он, принимая лечение несколькими курсами, вынужден был, как он говорил, «сиднем сидеть» дома. В этот период много добрых знакомых навестили его, в том числе А.И. Европеус, А.М. Унковский, М.Е. Салтыков, Ф.Н. Глинка, А.П. Полторацкий, С.П. Трубецкой, Ф.А. Дилигенский и губернатор П.Т. Баранов.

Очень любопытен проезд к нему дворового человека брата Василия, 58-летнего Гриценко Фёдора Андреевича. Брат вызвал его с Украины в Москву, чтобы предложить вольную. Гриценко отказался. Пользуясь случаем, он навестил Матвея Ивановича, которого знал по его жизни в Хомутце, и, вероятно, любил и сочувствовал ему.

С помощью губернатора Матвей Иванович начинает хлопотать об удочерении своих воспитанниц, передаче им своей фамилии и прав на имущество.

В последних числах ноября Муравьёв-Апостол ездил в Москву на похороны декабриста Сергея Трубецкого, одного из самых близких друзей его молодости. Студенты университета, товарищи Вани Трубецкого, несли гроб с телом покойного на руках от дома до церкви и от церкви до Новодевичьего кладбища, где он и был захоронен.

В преддверии нового года по этикету полагалось лично поздравить с праздником разного рода губернских начальников. 31 декабря племянница Катенька Коробьина заехала в карете за Муравьёвым-Апостолом, и они отправились делать визиты. «Глупейший обряд. Я ограничусь Барановым и Полторацким. С меня будет довольно», – ворчал он.

Заканчивался 1860 год. Впереди были ещё семь лет пребывания Матвея Ивановича в Твери, в течение которых он станет свидетелем претворения в

жизнь крестьянской реформы и других преобразований. Некоторые лица из его окружения покинут город или уйдут из жизни, оставив определённый след в его судьбе. Но завяжутся и новые знакомства.

Г. Лумпанова, заслуженный юрист РФ,
Краевед

P.S. Прошу согласовывать со мной сокращение и изменения текста. Г.Л..
